

В.В. Бобров

Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: bobrov4545@mail.ru

К проблеме изучения интрамуральных погребений на древних поселениях Западной Сибири

В статье решается задача о времени возникновения и длительности существования традиции обряда погребения в жилищах на территории Западной Сибири. Предварительно сделаны выводы о результатах исследований по этой проблеме, за исключением семантики обряда, за последние четверть века. Один из выводов в работах многих специалистов заключался в том, что обряд погребения в жилищах, преимущественно детей, на территории Западной Сибири возник в культурах, существовавших в последние столетия III – начале II тыс. до н.э. Его происхождение связывают с активным воздействием или даже миграцией групп населения из раннеземледельческих регионов Ближнего Востока и Средней Азии. Неолитические поселения среднего Прииртышья и нижнего Приисимья, содержавшие погребения как детей, так и взрослых людей в жилищах, позволили отнести возникновение обряда интрамуральных погребений в западносибирском регионе к V – началу IV тыс. до н.э. Приведены свидетельства захоронения детей в жилищах эпохи палеолита на территории Байкальской Сибири и Камчатки как возможность универсальности этого обряда. Выявленные отличия обряда погребений в неолитических жилищах от погребений в жилищах эпохи бронзы актуализируют проблему внешних причин, вызвавших изменения и связанных с раннеземледельческими обществами, что не противоречит идее возможной универсальной природы явления. Единичные погребения в жилищах раннего и позднего Средневековья предположительно свидетельствуют о длительности существования традиции. В статье поставлена проблема исследования следов интрамурального обряда в традиционных обществах народов Западной Сибири и в целом Северной Азии.

Ключевые слова: интрамуральное погребение, жилище, палеолит, неолит, эпоха бронзы, Западная Сибирь.

V.V. Bobrov

Institute of Human Ecology Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: bobrov4545@mail.ru

On the Study of Intramural Burials in Ancient Settlements in West Siberia

The article addressed the issues of the time of appearance and duration of the tradition of burials in dwellings in West Siberia. Preliminary conclusions have been made concerning the studies of this issue for the latest twenty-five years except the rite semantics. Many specialists believe that the rite of interment inside dwellings mainly of children appeared in West Siberia in cultures of the latest century of the 3rd–2nd millennia BC. Its origins are linked with the active influence or even migration of population groups from early agricultural regions of the Middle East and Central Asia. Neolithic settlements in the Middle Irtysh region and the Low Ishim region with burials of children and adults inside dwellings provided the reliable grounds for attribution of the origin of intramural burial rite in West Siberia to the 5th – early 4th millennia BC. The paper presents the evidence of Paleolithic burials of children in dwellings in Baikal Region and Kamchatka as a possible universality of this rite. Certain differences in the burial rites in Neolithic dwellings from the burials in dwellings in the Bronze Age actualize the problem of external causes of changes linked with the early agricultural societies; it does not contradict the idea of possible universal nature of this phenomenon. Single burials in dwellings of the Early and Late Middle Ages probably testify to the duration of this tradition. The article focuses on the necessity of the study of intramural rite signs in traditional societies of the populations of West Siberia and North Asia in general.

Keywords: intramural burial, dwelling, Paleolithic, Neolithic, Bronze Ages, West Siberia.

На территории Восточной Европы и Северной Азии в процессе полевых исследований разного типа поселений, причем различных хронологических периодов, специалисты нечасто, но фиксировали нахождение единичных или незначительного количества захоронений. Информация о них становилась достоянием научной общественности по работам публицистического характера. Только четверть века назад погребения на поселениях стали предметом самостоятельного исследования. История становления и изучения этого феномена представлена в статье Н.А. Берсеновой, Э. Кайзер и Л.Н. Мильниковой, которая по сути являет собой обзор результатов работы Международной конференции, посвященной данному археологическому явлению (8–10 апреля 2019 г., Берлин, Германия) [2019].

На территории азиатской части России нахождения погребений на поселениях преимущественно связаны с древностями Западной Сибири, а хронологически с эпохой бронзы. Это вполне закономерно как в историческом аспекте, так и географическом расположении региона, особенно его лесостепной ландшафтной зоны. Исследования т.н. интрамуральных погребений были стимулированы материалами синташтинской или синташтинско-петровской культуры, которая, на мой взгляд, не вписывается в «генетический» ряд культур эпохи бронзы урало-казахстанских степей [Берсенева, 2021], а также материалами неординарного грандиозного городища Чича-1 на юге Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2003; Молодин, 2006; Новикова, Шнеевайсс, 2002].

Проведенные исследования позволили предложить (отчасти предположить) ряд заключений. Во-первых, обряд погребения на площади поселения и в жилищах был распространен от Южного Урала до верхнего Приобья (северные районы Алтая) у населения, обитавшего в лесостепи и степи. Во-вторых, время существования данного обряда в обозначенном географическом пространстве – эпоха бронзы. Если конкретизировать хронологические рамки, то наиболее ранние свидетельства его существования зафиксированы на поселенческих комплексах синташтинской, кротовской и елунинской культур; поздние археологические свидетельства относятся к переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Молодин, 2006; Мильникова, 2021]. В-третьих, обычай захоронения на жилом пространстве нетипичен для древнего населения Западной Сибири, его исходная среда восходит к иррациональным канонам духовной культуры древнейших земледельческих и земледельческо-скотоводческих обществ Передней [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 28; Массон, 1989, с. 80] и Средней Азии, а также обитателей европейского побережья Средиземноморья. Соответственно следовал вывод о появлении обряда погребения на поселениях в результате активного влияния или проникновения в западносибирскую лесостепную среду населения

из ближневосточного и среднеазиатского регионов. В исследованиях специалистов были предложены реконструкции семантического содержания этого своеобразного обряда погребения, но они остаются за пределами задачи данной статьи.

В связи с рассматриваемой проблемой небезынтересно время появления специальных мест захоронения. В.М. Массон, говоря о кладбищах как особой территории, предназначавшейся для захоронения усопших, приводит статистику Л. Бинфорда, согласно которой для мустье 39 погребений были обнаружены в местах обитания людей и 37 – в т.н. местах захоронения, расположенных недалеко от самой стоянки [Массон, 1976, с. 153–154]. Тенденция к выделению особого сакрализованного пространства для захоронения завершилась в мезолитическое время. На этом фоне материалы интрамуральных погребений на поселениях более поздних историко-хронологических периодов приобретают особое научное значение и необходимость исследования.

Отсчет времени появления этого обряда погребения на территории Западной Сибири принято вести с существования культур т.н. самусьско-сейминского периода. Новые и отчасти предшествующие археологические источники эпохи неолита практически из той же ландшафтной зоны региона позволяют обратиться к обсуждению хронологии возникновения интрамуральной погребальной традиции.

Первые захоронения в жилищах были выявлены А.И. Петровым в 1980 г. на поселении Ямсыса XII. На площади внутри каждого из трех жилых сооружений находились могилы глубиной до или более 1 м, содержавшие кальцинированные кости. Исключение составляла могила жилища 3 [Петров, 2014, с. 99–101, 180]. К сожалению, информация об этих погребениях очень скудная. А.И. Петров упоминает еще один памятник с захоронением, вероятно, эпохи неолита – ранней бронзы – поселение Красная Горка I [Там же, с. 195]. Через 30 лет после этих исследований последовало открытие захоронений на поселениях и в жилищах эпохи неолита в нижнем Приишимье. Так, на памятнике Мергень-6 в жилом сооружении поселения 21 находились погребения младенца до 1 года (у стены) и взрослого человека 35–45 лет (в центре). Время существования поселения по абсолютным датам – начало V тыс. до н.э. На поселении Мергень-7 в углу раскопанного жилища была расположена могила, в которой, судя по останкам скелетов, были погребены 2 женщины (30–40 лет и 17–21 год). По ¹⁴C время существования жилища – начало IV тыс. до н.э. [Еньшин, Скочина, Зах, 2012, с. 47–48; Еньшин, Скочина, Слепченко, 2015]. Несмотря на малочисленность известных погребений, в неолитических жилищах явно выражено разнообразие практики захоронения, прежде всего, по обряду (кремация и ингумация). Определить закономерность обряда по полу и возрасту затруднительно. Можно только констати-

ровать, что представленный неолитический комплекс интрамуральных погребений отличается от комплекса аналогичных погребений эпохи бронзы на территории Западной Сибири.

В связи с рассматриваемой проблемой и западно-сибирскими материалами эпохи неолита небезынтересен сравнительно недавно выявленный археологический факт. В результате исследования позднеолитических погребений Венгеро-2А, обнаруженных на поселении кротовской культуры в Венгеро-ском р-не (северо-запад Барабинской лесостепи), В.И. Молодин установил, что они совершены в предвзвешенно сделанном круглом чашевидном углублении, обрамленном несомкнутыми рвами, и провел параллель его формы с типом неолитических жилищ, в частности, быстринской культуры [Молодин, Мильникова, Несерова, 2016]. Этот вывод был подтвержден в процессе раскопок неолитических погребений на памятниках Автодром-1 и Усть-Тартас-2 [Бобров, Марочкин, 2023, с. 57, 61; Молодин и др., 2020].

На мой взгляд, какая-то мировоззренческая идея связывает интрамуральные погребения в жилищах на территории поселения с «сооружением» жилища для погребения на специальных местах для захоронения усопших в период позднего неолита на территории Западной Сибири. Возможно, она имела местные истоки или была транслирована на автохтонную среду охотников, рыболовов и собирателей на этапе т.н. неолитизации западносибирского региона. На универсальность обряда погребения в пределах жилищного пространства указывает не только обширная география его распространения от Средиземноморья до Дальнего Востока (север Китая), но и древность, уводящая в эпоху палеолита. Достаточно вспомнить о захоронении младенца в жилище стоянки Мальта, ставшем хрестоматийным в отечественной археологии. Настраивает на универсальность интрамурального обряда погребения и находка в могиле, засыпанной охрой, в жилище стоянки Ушки-1 поздней ушковской верхнепалеолитической культуры Камчатки [Диков, 1979, с. 55]. Приведенная версия не исключает идею о ближневосточном воздействии в разных его проявлениях на общества с производящим хозяйством, существовавшие на просторах западносибирской лесостепи во второй половине III – начале II тыс. до н.э. Изменения в общественной системе в процессе поступательного ее развития касаются и духовной сферы, в частности, ее иррациональной составляющей. Археологически достаточно четко выражено, что кардинальные изменения произошли с возникновением производящих форм хозяйства. Религиозные представления не могли не пополниться новым содержанием, вероятно, первоначально были «подправлены» обрядовые действия. Полагаю, что отмеченное мной отличие интрамуральных погребений неолита от аналогичных погребений в жилищах эпохи бронзы не случайность, а отражение произошедших изменений.

Переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку традиция интрамуральных погребений на поселениях не прекращает существование. Выборочные материалы эпохи раннего железа и Средневековья позволяют полагать, что этот обряд сохранялся до Нового времени. Если Л.А. Чиндина только отмечает факт захоронения в жилищах кулайской культуры, то Ю.П. Чемякин приводит данные по белоярской и кулайской культурам, но считает, что погребения совершены после функционирования сооружений как жилищ [Чемякин, 2008, с. 69, 83]. В период Средневековья погребение взрослых людей зафиксировано в жилище городища Долговское-1 на правом берегу р. Иртыш в Тюменской обл., раскопанного А.А. Адамовым [2003]. Если погребение ребенка в могиле на земляных нарах вдоль стенки жилища вписывается в рассматриваемую традицию, то погребение пяти человек на нарах в углу помещения для нее необычны. Жилище датируется временем существования потчевашской культуры. Не менее интересно погребение в центре жилища 11 на месте очага городища Войкарское, которое содержало останки мужчин в возрасте 35–40 и 40–45 лет. По мнению исследователей, жилище построено датируется первой третью – серединой XVII в. [Новиков и др., 2016]. Несомненно, следы интрамуральной обрядовой традиции сохраняются в мировоззрении и практике ритуальных действий народов Западной Сибири.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Адамов А.А. Погребение потчевашской культуры с городища Долговское-1 // Источники по истории Западной Сибири. – Сургут, 2003. – С. 88–93.

Берсенева Н.А. Погребения на поселениях эпохи бронзы Южного Урала: альтернативные, нормативные или девиантные? // Уфимский археолог. вестн. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 206–214.

Берсенева Н.А., Кайзер Э., Мильникова Л.Н. Пространство не только для живых: человеческие останки на поселениях бронзового века в Евразии // Урал. ист. вестн. – 2019. – № 4 (65). – С. 133–138.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Погребальное сооружение позднеолитического могильника Автодром-1 в северо-западной Барабе: археологическая специфика и проблема интерпретации // Урал. ист. вестн. – 2023. – № 1 (78). – С. 55–64.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Зах В.А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишмья (по материалам поселения Мерген-6) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 4 (19). – С. 43–52.

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Слепченко С.М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мерген // IV Северный археологический конгресс. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2015. – С. 72–74.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 192 с.

Массон В.М. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989. – 275 с.

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племени халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982. – С. 28–49.

Молодин В.И. Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2006. – № 4 (28). – С. 115–121.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Гартас-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 172–180.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины) // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2016. – № 2 (44). – С. 30–46.

Молодин В.И., Новикова О.И., Парцингер Г., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 312–316.

Мыльникова Л.Н. Погребения и антропологический материал на поселениях переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линево-1 (Западная Сибирь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 7. – С. 73–85.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 389–392.

Новикова О.И., Шнеевайсс Й. К проблеме типологии и интерпретации жертвенных комплексов в поселенческом контексте (по материалам памятников бронзового и раннего железного века Западной Сибири) // Северный археологический конгресс. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 198–200.

Петров А.И. Эпохи позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 348 с.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

References

Adamov A.A. Pogrebenie potchevashskoi kul'tury s gorodishcha Dolgovskoe-1. Istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri. Surgut, 2003. P. 88–93. (In Russ.).

Berseneva N.A. Human burials at the Bronze Age settlements in the Southern Urals: alternative, normative or deviant? *Ufimskii arkhologicheskii vestnik*, 2021. Vol. 21. No. 2. P. 206–214. (In Russ.). doi:10.31833/uav/2021.21.2.002

Berseneva N.A., Kaiser E., Mylnikova L.N. Prostranstvo ne tolko dlya zhivyykh: chelovecheskie ostanki na poseleniyakh bronzovogo veka v Evrazii. *Ural Historical J.*, 2019. No. 4 (65). P. 133–138. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2019-4(65)-133-138

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Burial Construction of the Late Neolithic Cemetery Avtodrom-1 in North-Western Baraba: Archaeological Specifics and Issues of Interpretation. *Ural Historical J.*, 2023. No. 1 (78). P. 55–64. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2023-1(78)-55-64

Chemyakin Y.P. Barsova Gora. Ocherki arkhologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost. Surgut; Omsk, 2008. 224 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.).

Enshin D.N., Skochina S.N., Slepchenko S.M. Neolithic Burials Settlement Complexes of Lake Mergen. In *IV Severnyy arkhologicheskii kongress: materialy*. Yekaterinburg: [s.n.], 2015. P. 72–74. (In Russ.).

Enshin D.N., Skochina S.N., Zakh V.A. On settling rites in the Neolithic of the Low Ishim basin (based on materials of Mergen-6 settlement. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2012. No. 4 (19). P. 43–52. (In Russ.).

Masson V.M. Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv: (V svete dannykh arkhologii). Leningrad: Nauka, 1976. 192 p. (In Russ.).

Masson V.M. Pervye tsivilizatsii. Leningrad: Nauka, 1989. 275 p. (In Russ.).

Merpert N.Y., Munchaev R.M. Pogrebal'nyi obryad plemen khalafskoi kul'tury (Mesopotamiya). In *Arkhologiya Starogo i Novogo Sveta*. Moscow: Nauka, 1982. P. 28–49. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikova O.I., Parzinger G., Shneeveiß J., Grishin A.E., Efremova N.S., Čemjakina M.A. Pogrebeniya lyudej na zhilom prostranstve gorodishha Chicha-1. In *Istoricheskij opyt khozajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. Vol. 1. P. 312–316. (In Russ.).

Molodin V.I. The necropolis of the ancient settlement of Chicha-1 and the problem of the burial practice of the carriers of the culture of the transition from Bronze to iron time in

the Barabinsk forest-steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006. No. 4 (28). P. 115–121.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Hansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Reinhold S., Shvetsova E.S., Bobin D.N. Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 172–180. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.172-180

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016. Vol. 44. No. 2. P. 30–46. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.2.030-046

Mylnikova L.N. Burials and Anthropology of the Linevo-1 Settlement, Bronze – Early Iron Age Transitional Period (Western Siberia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021. Vol. 20, No. 7: Archaeology and Ethnography. P. 73–85. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2021-20-7-73-85

Novikov A.V., Garkusha Y.N., Zubova A.V., Pozdnyakov D.V. Double Burial in the Hearth of a Dwelling (The Ust-Voykar Fortified Settlement). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 389–392. (In Russ.).

Novikova O.I., Schneeweiß J. К проблеме типологии и интерпретации зхертвенных комплексов в поселенческом контексте (по материалам памятников бронзового и раннего железного века Западной Сибири). In *IV Severnyy arkhologicheskij kongress: materialy*. Yekaterinburg: [s.n.], 2002. P. 198–200. (In Russ.).

Petrov A.I. Epokhi pozdnego neolita i rannei bronzy v Srednem Priirtysh'e. Omsk: Omsk State Univ. Press., 2014. 348 p. (In Russ.).

Бобров В.В. <https://orcid.org/0000-0002-9195-7275>

Дата сдачи рукописи: 25.10.2024 г.